

В.Х. Даватц, Н.Н. Львов

Русская армия на чужбине

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.Х. Даватц**
Русская армия на чужбине / В.Х. Даватц, Н.Н. Львов – М.: Книга по Требова-
нию, 2014. – 126 с.

ISBN 978-5-517-97944-5

ISBN 978-5-517-97944-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1.

2 апрѣля 1920 года Верховный Комиссаръ Великобританіи въ Константинополѣ получилъ отъ своего правительства предложеніе сдѣлать генералу Деникину слѣдующее заявленіе:

„Верховный Совѣтъ держится того взгляда, что продолженіе гражданской войны въ Россіи вызываетъ наибольшую тревогу при современномъ положеніи Европы. Правительство Великобританіи желаетъ представить на усмотрѣніе генерала Деникина, насколько для него было бы полезно въ настоящемъ положеніи, чтобы было сдѣлано предложеніе Совѣтскому Правительству о дарованіи амнистіи, какъ вообще для населенія Крыма, такъ и для личнаго состава Добровольческой арміи въ частности. Проникнутое убѣжденіемъ, что прекращеніе неравной борьбы было бы наиболѣе важно для Россіи, Великобританское Правительство, получивъ согласіе генерала Деникина, взяло бы на себя веденіе переговоровъ и готово оказать генералу Деникину и его ближайшимъ сотрудникамъ гостепріимный пріютъ въ Великобританіи.

Британское Правительство, оказавшее въ прошломъ въ широкихъ размѣрахъ помощь, благодаря которой только и возможно было продолженіе борьбы до сего времени, не справедливо считаетъ что предложеніе его будетъ принято. Если бы, тѣмъ не менѣе, генералъ Деникинъ его отклонилъ, и рѣшилъ бы продолжать явно безнадежную борьбу, то Британское Правительство сложило бы съ себя всякую отвѣтственность и прекратило бы разъ навсегда оказывать ему какую бы то ни было поддержку“

Нота эта, направленная генералу Деникину, уже не застала его на посту главнокомандующаго и была вручена его преемнику, генералу Врангелю.

Остатки Добровольческой арміи, высадившейся въ Крыму, представляли собою массу, распатанную въ своей организаціи и дисциплинѣ, надорванную рядомъ неудачъ въ теченіе зимняго отступленія отъ Орла до Новороссійска.

Военные запасы, артиллерійскіе склады — пришлось оставить при Новороссійской эвакуаціи. Конскаго состава почти совершенно не было.

Моральный упадокъ послѣ пережитыхъ потрясеній былъ чрезвычайный.

Это не была уже армія, а раздраженная и озлобленная толпа.

Жертвой слѣпыхъ ненавистей палъ начальникъ штаба главнокомандующаго, генералъ Романовскій, убитый въ комнатахъ русскаго посольства въ Константинополѣ.

Остатки русской арміи были прижаты на Крымскомъ полуостровѣ, гдѣ не хватало своего продовольствія, не было угля и не хватало людей для пополненія порѣдѣвшихъ рядовъ арміи.

И ко всему этому, ультимативное требованіе со стороны Великобританіи о прекращеніи борьбы и угроза въ противномъ случаѣ отказать въ какой либо поддержкѣ.

Вотъ въ какихъ условіяхъ пришлось генералу Врангелю принять главное командованіе надъ арміею и взять на себя всю тяжесть отвѣтственности за завершеніе той борьбы, которая въ теченіи уже трехъ лѣтъ велась за спасеніе Россіи.

Принимая депутацію общественныхъ представителей, генералъ Врангель сказалъ: „Вы знаете объ ультиматумѣ Англій, предъявленномъ мнѣ; знаете въ какомъ положеніи находится наша армія. Многого я обѣщать Вамъ не могу. Обѣщаю лишь одно — я выведу васъ съ честью изъ тяжелаго положенія, въ которомъ мы находимся“.

Великобританскому правительству генералъ Врангель послалъ слѣдующій отвѣтъ: „По приказу генерала Деникина я назначенъ главнокомандующимъ вооруженными силами на Югѣ Россіи. Категорическое требованіе Британскаго Правительства прекратить борьбу ставить мою армію въ невозможность продолжать ее. Возлагая на Британское Правительство всю нравственную отвѣтственность за принятое рѣшеніе, и не допуская абсолютно возможности вести прямые переговоры съ противникомъ, я оставляю участь арміи, флота и всего населенія занятой территоріи, а также и всѣхъ тѣхъ, которые приняли участіе въ борьбѣ вмѣстѣ съ нами, справедливому рѣшенію Британскаго Правительства. Я полагаю, что долгъ чести тѣхъ, которые въ самый критическій моментъ лишили поддержки армію Южной Россіи, непреклонно остававшейся вѣрною общему дѣлу союзниковъ, накладываетъ на нихъ обязанность принять всѣ мѣры для того, чтобы гарантировать неприкосновенность всѣхъ тѣхъ, кто входитъ въ составъ арміи, населенія занятыхъ областей, а также и бѣженцевъ, которые желали-бы вернуться въ Россію и всѣхъ тѣхъ, которые боролись противъ большевиковъ и находятся сейчасъ въ тюрьмахъ Совѣтской Россіи. Я имѣю право требовать отъ моихъ подчиненныхъ жертвовать жизнью для спасенія отечества, но я не могу заставить тѣхъ, которые считаютъ для себя постыднымъ получить амнистію изъ рукъ враговъ, воспользоваться ею. Въ такихъ условіяхъ я нахожу необходимымъ, чтобы та возможность, которую Британское Правительство хочетъ предоставить главнокомандующему и его главнымъ сотрудникамъ найти убѣжище въ Россіи, была расширена въ той же мѣрѣ на всѣхъ тѣхъ, которые предпочли-бы покинуть свою родину скорѣе, чѣмъ искать пощады своихъ враговъ. Я готовъ согласиться на самыя тяжелыя условія существованія за границей, что представило бы достаточную гарантію того, что только тѣ воспользуются этой возможностью, которымъ чувство не позволяетъ принять прощенія отъ врага. Понятно, что я прошу считать меня прежде всего въ числѣ вышеозначенныхъ лицъ“..

6—19 апрѣля главнокомандующій былъ увѣдомленъ адмираломъ Сеймуромъ, что лордъ Керзонъ послалъ Чичерину въ субботу 17 апрѣля телеграмму: „Хотя вооруженныя силы на Югѣ Россіи и были разбиты, но нельзя допустить, чтобы онѣ были обречены на полную гибель и если-бы не послѣдовало немедленнаго отвѣта Чичерина, что онъ согласенъ на принятіе посредничества лорда Керзона и прекращеніе дальнѣйшаго наступленія на Югѣ, Британское Правительство было-бы вынуждено направить корабли для всѣхъ необходимыхъ дѣйствій, чтобы охранить армію въ Крыму и предупредить вторженіе совѣтскихъ силъ въ ту область, въ которой находятся вооруженныя силы Юга Россіи“. Въ то же время получено было извѣстіе отъ генерала Манженъ, что французское правительство согласуется свои дѣйствія съ правительствомъ Британіи для поддержанія генерала Врангеля, оказывая ему всю необходимую матеріальную поддержку, пока онъ не получитъ отъ Совѣтовъ условій перемирія, гарантирующихъ его арміи соотвѣтствующее положеніе.

Переговоры съ Чичеринымъ не привели, однако, къ желательнымъ результатамъ.

29 апрѣля 1920 г. лордъ Керзонъ просилъ передать слѣдующее заявленіе главнокомандующему русской арміи: „отвѣтъ, который мы получили отъ Чичерина, на наше предложеніе установить условія для арміи генерала Врангеля въ Крыму, не былъ до сихъ поръ удовлетворительнымъ. вмѣсто того, чтобы выдвинуть условія совѣтовъ, какъ мы его объ этомъ спрашивали, Чичеринъ стремится добиться другихъ политическихъ уступокъ, которыя мы не можемъ ему предоставить. Такимъ образомъ, мы безсильны въ настоящій моментъ исполнить просьбу генералу Врангеля. Въ случаѣ, какъ это представляется всего вѣроятнѣе въ настоящее время, мы не могли-бы достигнуть для него необходимыхъ условій, единственный выходъ заключался бы въ томъ, чтобы онъ самъ ихъ осуществилъ. Продолженіе войны генераломъ Врангелемъ имѣло бы роковой исходъ и не могло бы быть поддержано нами никакой матеріальной помощью“.

Британское правительство, начавъ съ угрозы посылки своего флота для воздѣйствія на совѣтское правительство, кончило тѣмъ, что, ничего не добившись отъ совѣтовъ, предложило генералу Врангелю начать самому непосредственные переговоры съ большевиками.

Было ясно, что правительство Великобританіи поставило себѣ задачей во что-бы то ни стало добиться прекращенія вооруженной борьбы на Югѣ Россіи, хотя бы цѣною гибели десятковъ тысячъ людей, входившихъ въ русскую армію.

Генераль Врангель отказался подчиниться требованіямъ Британскаго Правительства.

И теперь, когда извѣстно, съ какимъ грубымъ насиліемъ генераль Маршъ расправился съ правительствомъ и войсками генерала Юденича, и какъ была прекращена всякая возможность борьбы сѣверной арміи, можно легко представить себѣ, какая участь ожидала бы и крымскую армію, въ случаѣ подчиненія англійскимъ требованіямъ.

Для достиженія цѣли англійской политики не стоило останавливаться передъ средствами, хотя бы недостойными великой націи.

Въ отвѣтъ на англійскія предложенія генералъ Врангель отдалъ приказъ о наступленіи, и войска перешли за Перекопъ. Начались ус-пѣшные для насъ бои за обладаніе Сѣверной Тавріи.

Выходъ изъ Крыма диктовался необходимостью расширить базу, гдѣ не хватало для людей продовольствія, а также и соображеніями стратегическими, чтобы предупредить концентрацію и готовившееся наступленіе на Перекопъ большевистскихъ силъ.

Войска, реорганизованныя и ободренныя, вновь оказались способными вести бой съ противникомъ и одерживать побѣды.

Для тѣхъ, кто пережилъ всѣ ужасы Новороссійской катастрофы, это оказалось сверхъестественнымъ.

Въ нѣсколько недѣль и слѣда не осталось отъ прежняго распада.

Это уже не была толпа, озлобленная, морально упавшая, внушавшая страхъ мирному населенію.

Какъ будго люди стали другими, и вновь бросилась въ бой прежняя отважная дружина, умѣвшая побѣждать во много разъ сильнѣйшаго врага, почти безоружная, кровью добывая себѣ оружіе и снаряды. Вновь воскресла угасшая надежда.

Ллойдъ Джорджъ въ палатѣ общинъ категорически заявилъ, что наступленіе Врангеля совершается безъ участія англійскаго правительства.

„Никакой помощи наступленію англичане не оказываютъ, и не отвѣтственны за все, могущее быть совершеннымъ генераломъ Врангелемъ“.

Иное положеніе заняло французское правительство.

Отказавшись отъ всякаго участія въ русскихъ дѣлахъ послѣ злосчастной одесской эвакуаціи, Франція въ данное время вновь готова была оказать помощь русской арміи.

Главнокомандующій получилъ сообщеніе, что Французское Правительство относится отрицательно къ соглашенію съ большевиками и никакого давленія на сдачу Крыма не окажетъ, сочувствуетъ мысли удержатися въ Крыму и Тавріи и не будетъ участвовать ни въ какомъ посредничествѣ, если бы другіе его предприняли.

Такое расхожденіе между французскимъ правительствомъ и великобританскимъ вытекало изъ того, что въ вопросѣ о начавшейся войнѣ между Совѣтской Россіей и Польшей французское правительство, во главѣ котораго стоялъ Мильеранъ, рѣзко расходилось съ англійскимъ, руководимымъ Ллойдъ-Джорджемъ.

Политика Франціи была построена на созданіи сильнаго Польскаго государства, какъ оплота противъ Германіи и противъ вторженія красныхъ армій, угрожавшихъ Европѣ.

Когда польскія войска, послѣ временнаго успѣха стали быстро отступать, подъ натискомъ красныхъ армій, для правительства Франціи стало ясно, какая опасность угрожаетъ Европѣ.

Франція напрягала всѣ силы, чтобы спасти Варшаву.

На русскую армию французское правительство смотрѣло какъ на ту силу, которая въ тылу у большевиковъ должна отвлечь на себя красноармейскіе корпуса, которые могли бы ударить на польскій фронтъ.

Вотъ чѣмъ объясняется рѣзкое измѣненіе политики Франціи въ это время.

Въ одной изъ статей, помѣщенныхъ въ „Танъ“ послѣ крымской эвакуаціи, было сказано: „когда банды большевиковъ подошли къ Варшавѣ, угрожая не только молодому польскому государству, но и всей европейской цивилизаціи, Франція употребила всѣ усилія, чтобы спасти Польшу. Французское Правительство использовало два способа защиты противъ большевистской угрозы: генераль Вейганъ былъ посланъ съ сотнями французскихъ офицеровъ для реорганизаціи польской армии. Кромѣ того, Польша получила отъ Франціи значительную матеріальную поддержку. Вторымъ способомъ защиты Польши было созданіе угрозы большевистскому тылу, т. е. опора на антибольшевистскія силы подъ командованіемъ генерала Врангеля. Натискъ генерала Врангеля содѣйствовалъ спасенію Варшавы. Сопrotивленіе большевиковъ было значительно ослаблено нападеніемъ бѣлыхъ на ихъ тылъ.

Мильтеранъ, уже будучи президентомъ французской республики, открыто признался въ томъ, что поддержка, оказанная русской арміи, единственно объясняется необходимостью спасти Польшу.

Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ Ллойдъ-Джорджъ.

Руководясь настроеніемъ англійскихъ рабочихъ массъ, требовавшихъ не только прекращенія всякой вооруженной борьбы противъ большевиковъ, но и признанія совѣтскаго правительства, Ллойдъ-Джорджъ уже вступилъ на путь сближенія съ совѣтами.

Это была политика безпринципная, политика сегодняшняго дня, стремившаяся путемъ соглашеній какъ нибудь выйти изъ создавшихся затрудненій.

Онъ предлагалъ посредничество Англій на новой конференціи въ Лондонѣ для прекращенія русско-польской войны.

Русская армія оказалась въ узлѣ сложнѣйшихъ международныхъ отношеній, гдѣ для однихъ она являлась орудіемъ спасенія Польши, а для другихъ той антибольшевистской силой, которую нужно было во что-бы то ни стало ликвидировать.

Въ іюль мѣсяцъ послѣдовало признаніе Франціей правительства Юга Россіи.

Два условія были поставлены для такого признанія со стороны Французскаго Правительства: подтвержденіе обязательства оплаты внѣшнихъ русскихъ долговъ, что нужно было для французскихъ держателей ренты, и заявленіе демократическихъ принциповъ, что нужно было для лѣвыхъ круговъ французскаго парламента.

Матеріальная помощь Франціи была весьма незначительна.

Правительство республики было скупо въ своихъ расходахъ.

Правда, оно начало переговоры съ представителями генерала Врангеля о снабженіи арміи и о заключеніи займа.

Но эти переговоры затянулись до момента катастрофы и не привели ни къ чему.

Весной 1920 года на пароходъ „Ольга“ были отправлены запасы, состоявшіе изъ вещей, бесполезныхъ для войны на сумму около 8 милл. франковъ, согласно договору, заключенному еще генераломъ Деникинымъ — и это все.

Но помощь, оказанная Франціей официальнымъ признаніемъ, имѣла большое значеніе.

Благодаря только ей, армія имѣла возможность получить снабженіе изъ стараго русскаго запаса, разбросаннаго во всѣхъ частяхъ свѣта.

Только благодаря содѣйствію Франціи оказалось возможнымъ перевести это имущество на корабляхъ въ Крымъ.

Признаніе поддержало авторитетъ генерала Врангеля, и тѣмъ самымъ заставило подчиниться его авторитету и сплотиться вокругъ арміи русскіе общественные круги.

Но заглядить роковую ошибку, совершенную въ 1918 году, когда Европа, сломивъ Германію, рѣшила, что Россіи уже не существуетъ, и что миръ долженъ быть заключенъ безъ нея, эту роковую ошибку уже исправить было нельзя.

* * *

Послѣ разгрома большевитскихъ армій подъ Варшавой, было заключено перемиріе, и насталъ критическій моментъ.

Было несомнѣнно, что большевики сосредоточатъ всѣ свои силы на Крымскомъ фронтѣ, и обрушатся на русскую армію, чтобы выместить свое пораженіе подъ Варшавой и вновь ободрить свои войска, упавшія духомъ, побѣдой въ Крыму.

Русская армія своею кровью участвовала въ спасеніи Варшавы, а спасеніе Варшавы означало спасеніе всей Европы. Трудно даже представить себѣ, какія роковыя послѣдствія были бы въ случаѣ торжества большевиковъ надъ Польшей.

Хотя русская армія являлась, такимъ образомъ, участницей огражденія Европы отъ страшнаго разгрома, тѣмъ не менѣе, при заключеніи перемирія между Польшей и Совѣтской Россіей, не было ни слова заявлено объ огражденіи Крыма отъ большевитскаго нашествія.

Русская армія была предоставлена собственной участи.

* * *

Послѣ тяжелыхъ боевъ въ Сѣверной Таврии, при неожиданно наступившихъ суровыхъ морозахъ, армія перешла на перешеекъ и стала на Перекопѣ. Особыхъ волненій и опасеній извѣстія эти не вызвали въ населеніи. Отъѣзда изъ Севастополя не замѣчалось и жизнь продолжала течь своимъ нормальнымъ порядкомъ, когда внезапно былъ объявленъ приказъ Главнокомандующаго объ очищеніи Крыма.

Борьба въ Крыму началась и продолжалась въ тяжелыхъ усло-

вяхъ. Съ первыхъ же дней надъ дѣломъ обороны Крыма нависла возможность вынужденной эвакуаціи.

Генераль Врангелъ писалъ русскому военному представителю въ Константинополь: „Готовясь къ продолженію борьбы и не теряя вѣры въ успѣхъ, дѣлаю все возможное, дабы въ случаѣ неудачи не быть застигнутымъ врасплохъ. И здѣсь прежде всего надо имѣть уголь и созданіе его запаса на случаѣ эвакуаціи — моя задача.

Тоннажемъ мы сейчасъ обезпечены, планъ эвакуаціи разработанъ во всѣхъ деталяхъ, но угля пока еще недостаточно...

Подготовка на случаѣ неудачи базы въ Сербіи необходима“.

Еще въ самомъ началѣ крымскаго періода борьбы Русской арміи, былъ совершенно секретно разработанъ Штабомъ Главнокомандующаго совместно съ командующимъ флотомъ планъ возможной эвакуаціи. Въ Черноморскомъ бассейнѣ долженъ былъ оставаться тоннажъ судовъ съ той цѣлью, чтобы всегда можно было обезпечить выполнение плана. Право давать разрѣшенія на выходъ судовъ за проливы было сохранено лишь за командующимъ флотомъ. Весь потребный тоннажъ судовъ былъ распредѣленъ по портамъ, въ соотвѣтствіи съ тѣми соображеніями, по которымъ могли быть направляемы для посадки войсковыя части. Въ мѣстахъ посадки былъ образованъ неприкосновенный запасъ угля и машиннаго масла и опредѣленное количество продовольствія. Особыя суда были предназначены для вывоза больныхъ и раненныхъ.

Когда было принято рѣшеніе объ оставленіи Крыма, тотчасъ былъ данъ приказъ о сосредоточеніи судовъ въ портахъ, согласно выработанному плану. Принятое рѣшеніе держалось въ полномъ секретѣ и сосредоточеніе судовъ объяснялось предполагаемымъ десантомъ на Кубань и Одессу. Только полный секретъ обезпечивалъ успѣхъ всего предпріятія. Зналъ объ этомъ только Начальникъ Штаба и оба командующіе арміями, даже ближайшіе сотрудники Главнокомандующаго, какъ Кривошеинъ, не были извѣщены о принятomъ рѣшеніи.

29 октября Главнокомандующій получилъ согласіе Командующаго легкимъ дивизиономъ судовъ въ Черномъ морѣ контръ-адмирала Дюмениллъ прикрыть эвакуацію находящимися въ его распоряженіи судами и привлечь въ помощь французскіе транспорты и грузовыя пароходы.

Принятое рѣшеніе было приведено въ исполненіе такимъ же рѣшительнымъ порядкомъ. Войска получили приказъ оторваться отъ противника и быстрыми переходами достигли указанныхъ имъ портовъ. Приказъ объ оставленіи Крыма всѣхъ поразилъ своей неожиданностью. Однако, не было замѣтно никакой паники, никакой особенной тревоги. Всю ночь готовились къ отъѣзду, укладывались и въ темныхъ улицахъ Севастополя, съ раняго утра, начали передвигаться повозки и возлѣ домовъ видны были группы людей, суетливо накладывавшихъ свои поклажи. Посадка началась съ утра, все происходило въ порядкѣ. Не было замѣтно никакихъ сценъ отчаянія, никакихъ грубыхъ выходокъ со стороны населенія. Люди дѣлали свое

дѣло спокойно, не торопясь, увѣренные въ томъ, что такъ нужно, не охваченные страхомъ.

Незабываемыя, отвратительныя сцены, происходившія при эвакуаціи Одессы и Новороссійска, когда люди давили другъ друга, выбрасывали за бортъ, бросаясь, спастись на коробли, не повторились въ Севастополѣ. А между тѣмъ это была глубокая драма. Наступилъ конецъ трехъ лѣтъ напряженной борьбы, усилій и страданій, самоотверженныхъ подвиговъ, пораженій и новыхъ побѣдъ. Оставялся послѣдній клочекъ русской земли. Люди отплывали отъ берега Севастополя и направлялись въ новый путь къ неизвѣстному будущему. Одни оставляли въ Крыму своихъ близкихъ, друзей, другіе родныхъ, — всѣ покидали родную землю и направлялись на чужбину.

Непроницаемая завѣса спускалась между берегомъ русской земли и уходящими кораблями. Что будетъ съ тѣми, кто остался и что ожидаетъ тѣхъ, кто отплывалъ къ другимъ берегамъ?

Но ни слезъ, ни сценъ отчаянія не было видно. Общее настроеніе было сосредоточенно и серьезное. Главнокомандующій появлялся на улицахъ среди толпы, и его бодрый, какъ всегда видъ, его увѣренные и спокойныя слова, внушали всѣмъ такую же бодрость. Рабочіе Севастополя, распропагандированные большевитской пропагандой, въ это время не позволили себѣ никакихъ грубыхъ выступленій. Это не было какъ въ Одессѣ, гдѣ рабочіе умышленно портили котлы пароходовъ, отказывались грузить уголь, избивали и грабили отъѣзжающихъ. Въ Севастополѣ напротивъ рабочіе, грузчики и лодочники усердно помогали нагрузкѣ судовъ, перевозили людей на пароходы и не было съ ихъ стороны никакихъ проявленій озлобленности противъ уходящихъ. А когда генералъ Врангель, оставшіе послѣднимъ, сѣлъ на катеръ и отплылъ отъ пристани, среди собравшейся толпы раздались крики ура.

Въ томъ же порядкѣ происходила посадка на суда и въ другихъ портахъ Крыма: въ Евпаторіи, Ялтѣ и Керчи. Только въ Феодосіи, благодаря неумѣлости генерала Фостикова, часть терцевъ и кубанцевъ, прибывшихъ туда на погрузку, осталась на берегу. Донцы отошли къ Керчи и погрузились вмѣстѣ съ своимъ Донскимъ корпусомъ, а нѣсколько сотъ терцевъ осталось въ Крыму и ушло въ горы. Труднѣйшая эвакуація арміи, подъ давленіемъ превосходнаго во много разъ численностью непріятели, планомѣрно выполненная по заранѣе составленному плану, съ посадкой въ разныхъ портахъ, вполне удалась. Съ 31 октября по 3 ноября изъ портовъ Крымскаго полуострова вышло 126 судовъ разной величины, которыя приняли на себя до 136 тысячъ человѣкъ.

Многіе послѣ готовы были обвинять генерала Врангеля за то, что онъ оставилъ Крымъ. Защита Крыма представляла нелегкую задачу. Большевики сосредоточили на фронтѣ втрое больше количество войскъ, — 70 тысячъ штыковъ и 25 тысячъ сабель, изъ которыхъ 10 тысячъ конницы Буденнаго, переведенной съ польскаго фронта. Наступившіе сильныя морозы покрыли Сиваши льдомъ и

сдѣлали ихъ проходимыми для непріятеля. Пришлось растянуть линію обороны и использоватьъ всѣ силы для расположенія длинной цѣпью на протяженіи болѣе, чѣмъ 60 верстъ. Въ запасъ не оставалось уже необходимаго резерва для дѣйствія на случай прорыва позиціи. Послѣ отхода войскъ за Перекопъ, передъ генераломъ Врангелемъ встала дилемма, продолжать ли отчаянную борьбу, защищая Крымъ или тотчасъ и немедленно выполнить планъ эвакуаціи? Конечно, на перекопскихъ позиціяхъ можно было-бы держаться, хотя укрѣпленія эти и не были приведены въ такое состояніе, при которомъ приступъ ихъ былъ бы невозможенъ: не было ни тяжелыхъ орудій, ни прикрытій, ни блиндажей, защитникамъ приходилось мерзнуть при 15 градусахъ стужи, не было достаточно теплой одежды. Можно было продержаться мѣсяць — другой, можно было отбить приступъ непріятеля, хотя въ снарядахъ у насъ и былъ недостатокъ. При такой тяжелой обстановкѣ продолжать борьбу все съ новыми и новыми силами противника значило подвергать и армію и все населеніе Крыма — риску, что одинъ изъ этихъ приступовъ можетъ быть удаченъ для непріятеля, позиціи прорваны и тогда неизбежно наступила бы катастрофа. Эвакуацію нельзя было бы совершить. Съ арміей было бы кончено и всѣ 136 тысячъ чело-вѣкъ подверглись бы всѣмъ тѣмъ ужасамъ, на которые способна мстительная жестокость большевиковъ. Для генерала Врангеля было бы легче, какъ военному, остаться со своею арміей и биться до конца, но онъ принялъ другое рѣшеніе и для принятія такого рѣшенія нужны были немалыя усилія надъ самимъ собой. Онъ принялъ всю тяжесть отвѣтственности на одного себя. По его приказу войска, готовыя еще сражаться съ врагомъ, отошли и сѣли на корабли.

Они сохранили свою боеспособность. Это не была разбитая армія. И то, что послѣ оставленія Крыма, авторитетъ Главнокомандующаго не пошатнулся, и что люди съ тѣмъ-же довѣріемъ продолжали относиться къ нему, показываетъ, что войска сумѣли понять своего Главнокомандующаго и признали правильность его рѣшенія.

Отходъ изъ Крыма не былъ катастрофой. Армія осталась цѣла..

На рейдъ Константинополя сосредоточилось до 126 русскихъ судовъ.

Здѣсь были и военныя корабли, какъ крейсеръ „Корниловъ“, большіе пароходы пассажирскаго типа и маленькія суда самой различной вмѣстимости.

Вездѣ развѣвались русскіе флаги — андреевскій и бѣло-синекрасный.

Раздавалась русская команда, слышна была русская молитва на утренней и вечерней зарѣ, и громкое русское „ура“ несло съ кораблей, когда они проходили мимо „Корнилова“, гдѣ на мостикѣ появлялся главнокомандующій русской арміей генералъ Врангель.

Такъ вотъ каково появленіе русскихъ въ Царьградѣ.

Многовѣковая исторія перевернута вверхъ дномъ.

Это тѣ русскіе, которые съ давнихъ временъ являлись угрозой съ сѣвера для Оттоманской имперіи, надеждой всѣхъ поработенныхъ христіанскихъ народовъ Востока, тѣ, отцы и дѣды которыхъ появлялись на берегахъ Босфора, стояли подъ самыми стѣнами Константинополя въ Санъ-Стефано.

На городскихъ зданіяхъ развѣваются флаги всѣхъ народовъ-побѣдителей — Англіи, Франціи, Италіи, Греціи, Сербіи — нѣтъ только русскаго знамени.

Воды Босфора все также ровнымъ прибоемъ ложатся на старинныя стѣны и башни Византіи.

Съ кораблей виденъ по берегамъ Золотого Рога великолѣпный силуэтъ города, виденъ куполь Святой Софіи.

Щемящее чувство охватываетъ, когда одну минуту задумаешься надъ тѣмъ, что случилось.

На Босфорѣ стоятъ англійскіе дреднауты съ гигантами пушками. По улицамъ проходятъ войска во французской, англійской, греческой формахъ, а русскіе, загеранные въ толпѣ, приравнены къ тѣмъ, кого чернокожіе разгоняютъ палками у воротъ международнаго бюро, ищутъ пріюта въ ночлежкахъ, пища въ даровыхъ столовыхъ.

Великолѣпныя, съ колоннами, зданія дворца русскаго посольства на Перѣ — всѣ переполнены толпой бѣженцевъ, комнаты отведены подъ лазареты, и залы, видѣвшія прежнее великолѣпіе, съ портретами императоровъ на стѣнахъ, теперь превращены въ сплошной бивуакъ для прибывающихъ постояльцевъ.